

Опросы и прогнозы: к вопросу о методологии и теории

Выборы 8 сентября 2013 года вновь поставили на повестку дня проблему значения опросов для политической практики. Есть такие политики и журналисты, которые заявляют о своем принципиальном недоверии к социологии вообще и к конкретным социологическим организациям в частности. Но большинство «критиков» просто полагает, что социологи потерпели неудачу в конкретной кампании 2013 года. Сами социологи тоже занимают различные позиции в понимании сентябрьской ситуации. Одни относят свой «просчет» за счет сложившейся электоральной кампании и не видят необходимости что-либо менять в своей методологии, другие, напротив, видят проблему в неадекватности привычной и хорошо себя зарекомендовавшей методологии - изменившейся социальной ситуации. Третьи, к которым, возможно, относятся и организаторы семинара, обратились к проблеме искренности респондентов. Сразу скажу, что я тоже вижу корень проблемы в состоянии общества, но оно, на мой взгляд, не сводится к неискренности опрашиваемых.

Следует, прежде всего, напомнить, что сентябрьская история – не первая в пост-советской политической истории. Наиболее серьезное расхождение между прогнозами, основанными на опросах социологов и результатами выборов случилось в финале предвыборной кампании 1993 года. После этого подобные расхождения случались в отдельных кампаниях, и у отдельных кандидатов, но не носили столь существенного характера и не влияли в целом на доверие к прогнозам социологов.

И вот вновь после довольно длительного перерыва прогнозы, сделанные на основе опросов, оказались неточными. И социологи, уже привыкшие к тому, что их опросы имеют столь мощный прогностический потенциал, оказались под огнем критики.

В нынешней ситуации есть как минимум два вопроса, которые следовало бы обсудить: во-первых, как и кто делает электоральные прогнозы, а во вторых, все ли благополучно с методологией самих опросов.

Первый вопрос, как мне представляется, предполагает разграничение сбора информации о состоянии массового политического сознания - и ее интерпретацию. Если выполнение первой задачи – замера политических установок граждан, является органичной для социологов, использующих по преимуществу массовые опросы населения, то вторая задача – интерпретации полученных данных и собственно электоральный прогноз, – являются делом не только и не столько социологов, сколько требует политологического анализа и использования теоретических моделей, которые строятся на основании данных опросов, но включают и другие факторы: и психологическое состояние общества, и собственно политический контекст, и логику развития политических акторов, и многое другое, уже за рамками собственно социологии. Отсюда напрашивается и вывод, что во-первых, от социологов нельзя ни требовать электоральных прогнозов, ни судить их в случае их неточности: это не их профессиональная обязанность. Их опросы – это лишь одно из оснований для профессионального политологического анализа и прогноза. Если же социологи берутся за прогнозы выборов, то они должны выполнять две роли одновременно и тогда уж брать на себя за это ответственность.

Второй вопрос: *кто и что измеряет в ходе опросов* и как это относиться к их результатам. Заданный организаторами вопрос о степени искренности респондентов с этим моментом и связан. Опыт исследований политических установок показывает, что в этой сфере у исследователя возникает ряд специфических проблем. И чаще всего речь идет не столько о неискренности, сколько о различных психологических барьерах, которые могут исказить нашу интерпретацию полученных от людей ответов на наши вопросы.

Первый эффект возникает, когда вопрос, задаваемый респонденту для него не ясен (не актуален). Так, обсуждая на сайте Полит.ру недавно полученные ВЦИОМом результаты опроса о том, как граждане относятся к условному сроку Навального, журналист по сути упрекнул социологов в неумении задавать вопросы, в том, что «людей, основная масса которых просто не в теме, спрашивают — а как Вы относитесь к тому, что человек, укравший у государства много денег, приговорен к штрафу и «условке» ...?» Профессионалам понятно, что дело здесь не в неумении грамотно формулировать вопросы. В социологии этот феномен давно известен как «спираль умолчания». Действительно, вопрос о условном сроке Навальному находится вне поля зрения большого числа респондентов и у них просто не сформировалось то, что называется мнением, то есть рациональная, осознанная политическая установка.

Второй эффект связан с тем, что респонденты нередко отвечая на поставленный вопрос, стремятся не то, чтобы обмануть интервьюера. Но попасть в некий социально одобряемый интервал. Так, мы сталкивались с тем, что изучая образы политиков, получали ответы респондентов, характеризующие политика не как агрессивного и маскулинного, а скорее, как интеллигентного и порядочного. Первые две характеристики отражали реальную привлекательность политиков для респондентов, а две вторые — социально одобряемую. При этом очевидно, что в момент голосования респонденты руководствуются неосознаваемой ими реальной шкалой оценок, а социально одобряемую демонстрировали интервьюеру.

Третий феномен возникает в ситуации, когда тот, кто проводит опрос, не успевает за реальными изменениями, происходящими в сознании граждан, которые могут в последний момент изменить свое отношение к конкретному политику или партии. Я хорошо помню гнев одного из кандидатов в середине 1990-х годов, который упрекал социологов в недобросовестности, когда полученные им на выборах результаты сильно разошлись с данными опросов, полученными за неделю до выборов. В том

случае в последнюю неделю перед выборами его конкуренты вывалили гору компромата, и эти грязные технологии реально за несколько дней до выборов изменили мнение о нем избирателей. Вот только крайними оказались не этот конкурент, ни он сам и его команда, а социологи, не предупредившие его об угрозы провала. Мне эта история в чем-то напомнила упреки в адрес социологов в сентябре 2013 с той только разницей, что вброса компромата не было, зато была грамотная и весьма эффективная кампания главного оппонента власти, и довольно вялая работа штаба Собянина. Так что сходство в том, что политические действия участников выборов смогли переломить ситуацию в последнюю неделю перед выборами, когда опросы уже не проводятся.

И, **четвертый** феномен, который ярко проявил себя именно на выборах последних лет, это «голосование от противного». Когда оппозиционный кандидат мобилизует не только свой собственный электорат, но аккумулирует весь протест против власти. Многие представители так называемого креативного класса отдали свой голос Навальному не потому что Собянин – плохой мэр. Они как раз оказались основными получателями выгод от реальной работы Собянина на посту мэра и весьма позитивно отзывались о нем не только в опросах, но и в частных разговорах. Но при этом проголосовали против собственных интересов, прекрасно понимая, что Навальный в этой роли вряд ли справится лучше Собянина. Полагая, что в опросах вряд ли можно было зафиксировать это расхождение между вербальными оценками и последующим электоральным поведением. На вопрос об оценке деятельности Собянина они могли дать положительные ответы, а проголосовали не против него, а против власти как таковой и даже против собственных интересов.

Но тогда возникает вопрос: что же измеряет социолог, задавая подобный вопрос респондентам? Если говорить о мнении, то вряд ли можно измерить то, что не сформировано и не артикулировано. Уместно напомнить, что политические установки бывают разной конфигурации:

мнение – лишь один из типов. Большая же часть установок, отношений и образов не носят осознаваемого характера и не могут быть достоверно изучены с помощью стандартной опросной методики. Нужны совершенно иные инструменты, позволяющие выявить именно *неосознаваемые* пласты этих установок. Для этого используются по преимуществу качественные методы от фокус-групп до глубинных интервью и проективных тестов. Проблема в том, что это методы довольно трудоемки и требуют сложной техники интерпретации поэтому они редко используются для масштабных прогнозов.

Имеющийся у меня и моих коллег политических психологов опыт исследований указанными методами показывает, что использование специальных политико-психологических инструментов наряду и вместе с опросами позволяет получить картину, гораздо более релевантную политической реальности. Так, например в 1993 году, когда все социологические опросы предсказывали успех партии «Выбор России», наши качественные исследования, построенные на исследовании неосознаваемых компонентов политических установок граждан, заставили нас усомниться в этом. С тех пор мы уделяем особое внимание поиску методов, направленных на выявление и интерпретацию неосознаваемых компонентов установок¹.

Многолетние наблюдения за психологическим состоянием общества позволили прийти к выводу о том, что есть определенные периоды, когда расхождения рациональных и неосознаваемых компонентов установок усиливаются, либо, наоборот, снижаются.

Так, начало-середина 1990-х были периодом максимального рассогласования политических установок, представлений, образов. В те годы наши граждане доверяли одним политикам, симпатизировали другим, а голосовали за третьих. Но этот период закончился к 2000 году. И в 2000-х с

---

¹Детальное описание различных методов, направленных на анализ разных типов политических установок и образов приводится в нашей книге: «Психология политического восприятия в современной России». /Под ред. Е.Б.Шестопа. М.,РОССПЭН, 2012.

достижением нашей политической системой большей стабильности разрыв между рациональными и бессознательными компонентами установок сократился (хотя их полного слияния не может быть никогда даже в самых стабильных политических системах). Возможно именно поэтому в этот период опросы, фиксирующие именно рациональные компоненты установок, были гораздо более точными, чем в 1990-е годы.

Но с началом нового периода политической нестабильности (по нашему мнению, он начался примерно с 2010г. и продолжается и сейчас) расхождение между рациональным и бессознательным уровнями установок вновь начало нарастать. Можно предположить, что именно это стало одной из главных причин расхождения между данными опросов и голосования.

Теоретическая интерпретация и прогнозирование не может не учитывать неосознаваемой эмоциональной компоненты политического сознания и электорального поведения. Кстати есть данные о том, что формы политического поведения, имеющие более сильную эмоциональную окраску (террористические, экстремистские, расовые, националистические выступления, бунты и т.п.), плохо поддаются прогнозированию. По данным С. Макфейла в исследовании расовых беспорядков соответствие между установками и реальным поведением составляло всего 8-9% выборки². В нашем случае речь идет о столь же чувствительном в эмоциональном отношении электоральном поведении.

Но помимо того, что ряд политических вопросов не входит в число актуальных для населения либо из-за низкого к ним интереса, либо по иным конкретным причинам (вроде вброса компромата) расхождение между рациональными и бессознательными компонентами политических установок. Мне представляется, что ответы и на первый, и на второй поставленный в начале вопросы стоит искать прежде всего именно в психологическом

---

² McFail C. Civil Disorder Participation //American Sociological Review, 1971, N 36, p. 105.

состоянии общества. И очевидно, что когда общество находится в эмоционально нестабильном состоянии, привычные социологические методы, вполне надежные для анализа рациональных мнений, дают сбой и должны быть дополнены иными инструментами, которые позволяют выявить и проинтерпретировать бессознательные слои установок, образов и представлений граждан о политиках, власти, выборах и т.п.